

с коммуникативной точки зрения приведенные примеры содержат определенную угрозу по отношению к адресату.

Итак, конфликтогенность фразеологизмов определяется их семантикой и прагматикой. Конфликтогенность фразеологических единиц может быть универсальной (абсолютной) и ситуативной. Поэтому важнейшую роль при их лингвоправовой экспертной оценке имеют иллокутивная и перлокутивная составляющие. В определенной коммуникативной ситуации фразеологизмы могут становиться ядром референтной ситуации – триггером коммуникативного конфликта. При этом следует четко дифференцировать конфликтогенность речевых актов с фразеологическим компонентом на поддерживающие признаки правонарушения и не имеющие таковых.

Список использованных источников

1. Осадчий, М. А. Русский язык в судебном процессе / М. А. Осадчий. – М. : Издательство URSS, 2019. – 256 с.
2. Мечковская, Н. Б. Социальная лингвистика : пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев / Н. Б. Мечковская. – 2-е изд., испр. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 207 с.
3. Пермяков, Г. Л. Английские пословицы / Г. Л. Пермяков. – М. : Просвещение, 1970. – 255 с.
4. Вежбицкая, А. Сравнение – грация – метафора / А. Вежбицкая // Теория метафоры : сборник / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. ; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 133–152.
5. Лебедева, Л. А. Соотношение семантики и прагматики в лексикографическом представлении устойчивых сравнений / Л. А. Лебедева, С. Ю. Замай // Язык и дискурс в современном мире : мат-лы Междунар. научно-лингвистической конф. (19-20 мая 2005 г.). / Адыгейск. гос. ун-т. – Ч. 1. – Майкоп : АГУ, 2005. – С. 127–133.
6. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт : монография / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1998. – 341 с.
7. Голев, Н. Д. Конфликтность и толерантность как универсальные лингвистические категории / Н. Д. Голев // Лингвистические проблемы толерантности : тезисы докладов Межд. науч. конф. / Урал. федеральн. ун-т. – Екатеринбург : УФУ, 2001. – 37–41.
8. Непшекуева, Т. С. Внутрличностный конфликт как лингвистический феномен : дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 – теория языка / Т. С. Непшекуева ; КубГУ. – Краснодар, 2006. – 226 с.
9. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 878 с.
10. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.

Abstract. The article presents a theoretical view of the conflict potential of phraseological units and its assessment from the standpoint of linguistic expertology. The conflict potential of phraseology depends on their semantics and pragmatic function. The conflict potential of phraseological units can be universal (absolute) and contextual. The pragmatic specificity of phraseological conflicts is realized in a speech situation.

Keywords: phraseological unit, conflict potential, linguistic expertology, semantics, pragmatics.

УДК 811.161.1'42'27:398.92

М. Л. Лаптева

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ ЗНАНИЯ
ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ**

Аннотация. В данной статье на фразеологическом материале доказывается ценность такого базового концепта русской культуры, как «Знание». Представлен дуалистический подход к понятию знания, заключающийся, с одной стороны, в постоянном стремлении человека познать окружающий мир, а с другой стороны, в понимании наличия высшего знания, недоступного человеку, ограничивающему себя в желании знать все.

Ключевые слова: лингвокультурная ценность, знание, фразеологизм, репрезентация.

Стремление к развитию, совершенствованию, тяга к знаниям, осознание важности обладания знаниями о человеке и мире являются тем базисом, на котором формируется и развивается культура многих народов. Признавая этот факт, нельзя не включить в число универсальных лингвокультурных ценностей, наряду с Родиной, Любовью, Верой, Свободой и др., именно *Знание*.

Ю. С. Степанов, отнесший концепт «Знание» к константам русской культуры, говорит об исконном для всей индоевропейской культуры различии двух видов знания: *земного*, человеческого, знания о мире, доступного органам чувств, передаваемого от человека к человеку, истинного или ложного; *высшего*, божественного знания, недоступного органам чувств, но доступного разуму, исключительно истинного знания, открываемого человеку богами.

Исследователь отмечает: «В этой оппозиции двух видов знания – «божественного» и «земного, человеческого», <...> проступает лишь одна из линий более общего противопоставления, выражающегося и в других оппозициях корней и слов и являющегося одним из важнейших явлений европейской культуры вообще» [1, с. 464].

В древнерусском языке сохраняется различие двух корней -вѣд- и -зна-, оязыковляющих названную оппозицию. Производные от корня -вѣд- тяготеют к производным от -вид-, т. е. 'получать знание через органы чувств, прежде всего, через зрение и слух', синонимом к *ведать* оказывается *слышать* – 'знать по рассказам'. Напротив, производные от корня -зна- передают «чистое знание», понимание. Знание, выраженное посредством корня -зна-, относится к высшей сфере, к «мудрости», Знание-вЕдение, от корня -вѣд-, относится к земной, бытовой сфере [1, с. 465].

Вспомним в связи с этим поговорку тавтологического типа *Знать не знаю, ведать не ведаю*, в которой не только путем повтора форм одного и того же слова, но и путем употребления синонимов *знать* и *ведать* достигается категоричное отрицание владения каким-либо знанием. Лексикографическую закреплённость данной поговорки находим и у В. И. Даля [2], и у М. И. Михельсона [3], а большинство примеров употребления обнаруживаем в художественных текстах второй половины XIX века. Так, из 44 вхождений в Национальном корпусе русского языка [4] на их долю приходится 24. В более поздних употреблениях выражение встречается у Б. Л. Пастернака, М. А. Булгакова, В. Я. Шишкова, Б. Васильева, Ю. Трифонова.

Например: *Аннушка к самым глазам подносила драгоценность, и глаза эти горели совершенно волчьим огнем. В голове у Аннушки образовалась вьюга: «Знать ничего не знаю! Ведать ничего не ведаю!... К племяннику? Или распилить ее на куски... Камушки-то можно выковырять... И по одному камушку: один на Петровку, другой на Смоленский... И – знать ничего не знаю, и ведать ничего не ведаю!»* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита) [4].

Обратим внимание: около 100 вхождений (из них почти 20 – в текстах начала XXI века) содержат поговорку в усеченном виде – *знать не знаю*, менее 50 вхождений (из них только 2 относятся к началу XXI века) – в форме *ведать не ведаю*.

Например: *Царь просит ее объявить народу, что Дмитрий мертв, но Марфа отвечает весьма странно: «Ведать не ведаю, может, и не зарезан он вовсе, потому как люди, теперь умершие, говорили о спасении ребенка и о том, что за рубежами русской земли он...* (Э. Радзинский. Лжедмитрий (1999) [4].

Эти небольшие статистические данные, а также факт устаревания глагольной лексики *ведать* в трех значениях, совпадающих со значениями слова *знать* ('иметь сведения о ком-чем-н.', 'обладать какими-н. познаниями, иметь о ком-чем-н. понятие, представление', 'испытывать, переживать что'), наводят на мысль о том, что в языке развивается идея преобладания «чистого» знания. Именно поэтому остановимся на смыслах, аккумулированных в корне *-зна-* и актуальных для современного русского языкового сознания.

Имя рассматриваемого нами концепта дает отглагольное существительное *знание*, которое является полисемантом: '1. Знать. 2. Результаты познания, научные сведения. 3. Совокупность сведений в какой-н. области' [5, с. 231]. Сложно однозначно сказать, в каком из перечисленных значений употреблено слово *знание* в афоризме *Знание – сила*: сила и в том, чтобы знать, мыслить, получать знания (1), и в том, чтобы располагать готовым знанием (2, 3). Безусловно, встречающееся в труде «Нравственные и политические очерки» известного английского ученого Ф. Бэкона выражение «Знание – сила» (от лат. *Scientia est potentia*) в XXI веке все так же популярно, как и в XVI веке, когда оно родилось. Примечательно, что в языковой памяти носителей русского языка выражение поддерживается благодаря выходу в свет в 1926 году научно-популярного журнала с таким же названием. Поощряя чьи-либо учебные или научные занятия, мы можем шутливо отметить: «Знание – сила!». И в настоящее время, когда все чаще можно слышать о том, что модно быть умным, что образование должно длиться всю жизнь, что мир меняется и следует постоянно узнавать что-то новое, чтобы быть в курсе этих изменений, упомянутое латинское выражение является актуальным. Сравн.: *Знание – сила, незнание – темная сила. Первой alma-mater, начавшей обучать умению ориентироваться в PR, стал МГИМО (Рекламный мир, 30.03.2000)* [4]. Употребительность данного выражения подтверждает ориентированность современного лингвокультурного сообщества на получение знания, являющегося двигателем прогресса, дальнейшего развития науки и общества, т. е. научного, а не просто житейского знания. Следовательно, концепт «Знание» коррелирует с концептом «Образование», а если рассматривать *знание* как результат процесса овладения каким-либо науками, то названный концепт модифицируется в концепт «Наука».

Национальная картина мира как способ отношения человека к миру, окружающей его действительности имеет вид упорядоченной системы представлений, соотнесенных с определенными национальными ценностями, которые выражаются через язык. Действительно, склонность к приобретению новых знаний, пытливость, любознательность в русской культуре поощряются и считаются ценными, а мелочный интерес к любым, даже несущественным подробностям, любопытство, напротив, вызывают негативное отношение и даже наказываются (вспомним пословичные выражения *Любопытство не порок, а большое свинство; Любопытной Варваре на базаре нос оторвали; Знайку на суд ведут, а незнайка дома сидит* и др.). Этнокультурная специфика становится видна, если обратиться, например, к турецкому языку, где понятия *любопытный* и *любопытный* передаются одной лексемой *merakli*.

В лингвокультурном сообществе носителей русского языка на очередной интересный вопрос любопытный ребенок может услышать и такой ответ: «Много будешь знать – скоро состаришься». Конечно, на первый взгляд, знание напрямую связано с жизненным опытом и мудростью, которые человек приобретает с годами. Но все же в этом выражении кроется, как думается, и более глубокий смысл, объясняемый через магические народные представления, сходные с теми, что лежат во внутренней форме фразеологизма *собаку съесть*. Так, раскрывая этимологическую версию происхождения данного оборота со значением 'познать до тонкости какую-либо науку, мастерство и т. п.', Б. А. Успенский объясняет его ритуальной нечистотой собаки, проявляющейся в запрете на употребление ее в пищу и связанного с ним поверья: если ребенок съест кусок хлеба, обнюханный собакой, он заболит болезнью, называемой «собачья ста-

рость» [6, с. 108–109]. Таким образом, приобретение знания может иметь колдовской характер, а полное знание можно получить только с помощью магии.

Несомненно, важным показателем актуальности концепта в когнитивном сознании носителей языка считается номинативная плотность этого концепта. В этом отношении по степени детального языкового обозначения определенного концептуального пространства можно дать оценку и его ценностной значимости в рамках конкретного лингвокультурного сообщества. Множество наименований всегда свидетельствует о важности той или иной сферы для практической деятельности народа.

Так, в «Словаре фразеологических синонимов русского языка» А. К. Бириха, В. М. Мокиенко и Л. И. Степановой (2009) [7], где объектом описания становятся только фразеологизмы в узком смысле слова (идиомы), насчитывается свыше 20 единиц, передающих расширенную семантику 'знаток' (*ходячая энциклопедия, с понятием, ему и кары (книги) в руки* и др.) и 'опытный' (*тертый калач, не первый год замужем, побывавший в переделках* и др.), столько же единиц, номинирующих умного человека: *семи пядей во лбу, кладезь премудрости, ума палата* и др. Большинство косвенно-производных знаков содержит соматический компонент *голова*, заключающий в себе образную мотивировку каждого фразеологизма: *иметь голову на плечах, с царем в голове, светлая (умная) голова, голова варит* и др.

Кроме того, фразеологическое поле концепта «Знание» включает большое количество устойчивых сочетаний с компонентом *знать*. Среди них разноструктурные единицы:

(а) устойчивые сравнения: *знать как свою ладонь; знать как свои пять пальцев; знать как помилуй мя, Боже; знать как свой карман; знать как пеструю собаку; знать как Отче наш; знать как облупленного*.

(б) синтаксические фразеологизмы: *Будешь (будет, буду и т.п.) знать! Интересно знать... Знал бы (я (ты, он), знали бы мы (вы, они)... Знаю я тебя (вас, их и др.)! Кто (его, ее, меня, тебя и др.) знает! Как знаешь (знаете). Так и знай! Как не знать! Не знает границ (пределов). Не знаю (не знает, не знают) как...*

(в) идиоматичные выражения: *знать зверя по когтям да по ушам (знать зверя по когтям, знать и по копытам (кыкам)); знать все ходы и выходы; знать, где раки зимуют; знать, откуда ветер дует; знать свое кривое веретено; знать свое место; знать себе цену; знать слово; знать / узнать назубок; знать / узнать почем фунт лиха*.

Несмотря на «пестроту» смыслов, передаваемых различными единицами данного фразеологического поля, каждая из них может являться репрезентацией знания как лингвокультурной ценности. Так, в большинстве компаративных оборотов подчеркивается хорошее, твердое, безошибочное, совершенное знание человека или предмета. Например, просторечное выражение *знать как облупленного* – 'знать кого-либо очень хорошо' – появилось в литературном языке относительно недавно. Оно существовало в диалектной речи в более полной форме – *знать как облупленную козу*. Такая анималистическая реконструкция строится на предположении о том, что коза достаточно часто подвергалась хозяйским побоям, а битый, как известно, «ученый», хорошо знакомый, свой. Наличием в языке диалектных единиц, в которых основанием сравнения становится какое-то животное (*знать как белых воробьев, знать как попову собаку, знать как рябую собаку*), В. М. Мокиенко доказывает выдвинутую версию [8, с. 484–485].

Названный фразеологизм активно функционирует в живой разговорной речи и раскрывает представления именно о житейском знании. Например: *Да я вашего брата знаю как облупленного...* (Е. Водолазкин. Лавр) [4].

В то же время с помощью многих перечисленных выше эмоционально-экспрессивных фразеологизированных конструкций реализуются разнообразные коммуникативные интенции: желание узнать, выражение недоверия к знанию чего-либо, стремление полагаться на свои знания, отрицание полноты знания о ком-чем-либо и пр. Становится понятно, что данные единицы неравномерно располагаются на

семантической шкале с двумя крайними точками – «знание» и «незнание». Обратим, например, внимание на функционирование оборотов *Как не знать!* ('подчеркнутая осведомленность в каком-либо вопросе') и *Кто (его, ее, меня, тебя и др.) знает!*, который зачастую используется как ответная реплика, выражающая категорическое отрицание знаний о каком-либо деле, отрицание наличия достоверной информации о чем-либо. Сравн.: 1) – *Ты знаешь, где этот Урух? – быстро спросил Анзор у Байрама. – Как не знать! – обиделся тот. – Последнее село в Кабарде* (М. Гиголашвили. Чертово колесо) [4]; 2) *Меня, собственно, вот что интересует: сделку-то мы успеем провести? Или уже не суетиться? – Кто его знает, – вздохнул Будяев. – Я, собственно, имел в виду модель* (А. Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001) [4].

Возвращаясь к анализу ядерной части фразеологии – идиоматики, заметим, что семантика некоторых устойчивых сочетаний закодирована путем указания на объект знания. Например, в разговорном обороте *знать все ходы и выходы* компоненты *ходы* и *выходы* эксплицируют подробности, детали, пути получения информации; в народном ироническом обороте *знать свое кривое веретено* компонент *веретено* ограничивает сферу знания только «своим делом», поскольку традиционно в боярских и царских семьях женщины должны были заниматься рукоделием и не вмешиваться в дела мужчин [8, с. 89–90]. А оборот *знать слово* – 'уметь заговаривать, знать заговоры' – вновь актуализирует мысль о магическом характере знания, так как объект знания – слово – выступает в данном устойчивом глагольно-именном сочетании в метафорическом значении – 'заклинание, магическая формула'.

В заключение подчеркнем, что Знание – одна из универсальных лингвокультурных ценностей русского народа. Стремясь к получению знания, двигаясь на пути к прогрессу и совершенствованию себя и общества, человек никогда не забывает о том, что абсолютное знание находится в высшей сфере, является недостижимым, поэтому ограничивает себя в этом постоянном стремлении и неумемном желании узнать, познать и разведать все. Представленный дуалистический подход к понятию знания во многом объясняет многообразие фразеологических способов объективации ценностных культурных представлений русского народа о знании.

Список использованных источников

1. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Академический Проект, 2001. – 990 с.
2. Пословицы русского народа : сборник В. И. Даля. – 4-е изд., стер. – М. : Русский яз. Медиа, 2009. – 814 с.
3. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний / М. И. Михельсон / в 2-х т. – СПб. : Русские словари, 1994. – Т. 1. – 819 с.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 26.07.2021.
5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
6. Успенский, Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии / Б. А. Успенский // Б. А. Успенский. Избранные труды. Т. 2 : Язык и культура. – М. : Издательство «Гнозис», 1994. – С. 53–128.
7. Бирих, А. К. Словарь фразеологических синонимов русского языка / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. – 448 с.
8. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – М. : Астрель: АСТ: Люкс, 2007. – 926 с.

Abstract. This article proves the value of such a basic concept of Russian culture as “Knowledge” on the basis of phraseological material. A dualistic approach to the concept of knowledge is presented, which consists, on the one hand, in the constant desire of a person to know the world around him, and on the other hand, in the understanding of the presence of the highest knowledge that is inaccessible to a person who limits himself in his desire to know everything.

Keywords: linguocultural value, knowledge, phraseological unit, representation.

УДК 811.161.3'42'373:16:398.92

В. А. Ляшчынская

УЯЎЛЕННІ БЕЛАРУСАЎ ПРА ЯГАДЫ Ў ЛЮСТЭРКУ ФРАЗЕАЛАГІЧНЫХ ВОБРАЗАЎ

Анотацыя. У артыкуле на матэрыяле дыялектных і літаратурных фразеалагізмаў беларускай мовы з кампанентам-найменнем ягад у іх разнавіднясцях як рэпрэзэнтантах гастронамічнага кода культуры беларусаў выяўляюцца прычыны адбору кампанентаў-трафонімаў як асновы ўтварэння вобразаў устойлівых адзінак беларускай мовы, устанаўліваецца інфармацыя аб прадстаўленні выніку пазнання новага, характарызуюцца ўяўленні беларусаў аб розных баках свайго жыцця, найбольш аб самім сабе з вызначэннем ацэнкі.

Ключавыя словы: фразеалагізм, кампанент, ягада, сімволіка, вобраз, спосаб мыслення, экспрэсіўнасць, ацэнка.

Вядома, што з ліку самых розных кодаў культуры гастронамічны з’яўляецца адным з асноўных у вызначэнні нацыянальна-культурнай адметнасці кожнага народа, паколькі менавіта ежа адыгрывае адну з галоўных роляў у жыцці чалавека, а нацыянальныя прадукты харчавання, рэцэпты прыгатавання страў, іх найменні захоўваюцца на ўсім працягу гісторыі. Гастронамічны код культуры беларусаў, які складаецца з сукупнасці найменняў прадуктаў харчавання, іх смакавых уласцівасцей, спосабаў гатавання, характарыстыкі ежы народам і самога сябе паводле спосабу, часу, колькасці ўжывання ежы, якасці яе прыгатавання і інш., што надзелены дадатковымі сэнсамі культуры, прадстаўлены ў беларускай фразеалогіі колькасна і разнастайна паводле структуры, семантыкі, гастронамічных кампанентаў, што абраны ў якасці ключавых пры стварэнні вобразаў фразеалагічных адзінак (далей – ФА).

У задачы заяўленага артыкула ўваходзіць аналіз і інтэрпрэтацыя ФА з кампанентам-найменнем ягад як толькі невялікай часткі ФА-рэпрэзэнтантаў гастронамічнага кода культуры беларусаў, паколькі тэматычная група кампанентаў-трафонімаў (ад гр. *trophe* = ежа [1, с. 477]) ‘ягады’ прадстаўлена адзінкавымі найменнямі – *ягады, маліна, гарбуз, брусніца і ізом*, якія маюць розную частотнасць выкарыстання ў ФА.

Найбольшай частотнасцю ў складзе ФА беларускай мовы вызначаецца кампанент *маліна* (9 ФА), што, несумненна, звязана з ведамі пра гэты від ягад, іх месца і ролю ў жыцці чалавека. Вядома, што ягады маліны вызначаюцца салодкім смакам, выключна прыемным пахам, сакавітасцю і надзвычай прыгожым колерам (*малінавы* – ‘падобны на колер спелых малін, цёмна-чырвоны’). Маліны з’яўляюцца шырока ўжывальнымі ў свежым, вараным і сушаным выглядзе, гэта дабаўка ці ўпрыгожванне печыва, аснова настоек. З маліны вараць варэнне, гатуюць мусы, кампот, сок, ёгурты; маліны замарожваюць, закатваюць, ужываюць з чаем, малаком і інш. Каштоўнасць маліны вызначаецца і яе лекавымі здольнасцямі, асабліва маліны дапамагаюць ад прастуды, сушаных ягады ўжываюцца як патагонны сродак.